©ПАЛІТЫЧНАЯ СФЕРА
ISSN 1819-3625 № 21, 2013

Игорь Подпорин

Как мы мыслим (критические наброски к исследованиям и исследователям общества в Беларуси)

"Иногда полезно, понимаешь, и Сократа почитать"
Доктор философских наук

Мысль объективируется в слове. Конечно, то, что мы пишем и говорим, показывает не только внутренние особенности нашего мышления, но и всевозможные контексты и условия, в которые оно погружено. Мы избирательны: не все становится предметом нашей рефлексии. Мы далеко не всегда следим за появлением и ходом собственной мысли и не всегда выбираем адекватные способы осмысления действительности. Наше мышление бывает тяжело воспринимать другим, как и нам самим чью-то мысль. Судя по всему, мы не часто чувствуем нашу мысль ясно и отчетливо, как Декарт свое "ego cogito". Может ли мысль, воплощаясь в слове сквозь наши огрехи, стать делом? И какого типа продукт мысли нам больше по душе?

Предлагаемое эссе – попытка наметить особенности мышления отечественных интеллектуалов, занимающихся научными исследованиями общества. Устойчивое ощущение, которое возникает при чтении некоторых публикаций (особенно в официально рекомендованных высшими научными инстанциями изданиях), принимает вид дилеммы: то ли многие авторы крайне невнимательны к самим себе и тому, что они делают, то ли они хотят кого-то ввести в заблуждение (а может и сами заблудились). Но если такие издания и публикации существуют, значит это кому-нибудь и для чего-нибудь нужно. Попробуем обратить их на пользу: анализ мышления выявит особенности, которые свойственны не только авторам публикаций в "ведущих" изданиях, но и в какой-то степени всем, кто считает себя интеллектуалом на нашем пространстве. Предваряя все, что будет описано ниже, оговоримся: тексты и примеры были подобраны быстро и случайно из субъективного опыта автора. Но и этого оказалось достаточно для фиксации особенностей мышления, присущих значительной части наших ученых-обществоведов.

I. Месть Филлиды: простое управление рефлексией

Одна из средневековых легенд описывает примечательную историю, произошедшую с Аристотелем. Будучи наставником Александра Македонского, Аристотель пытался разъяснить ему, насколько опасны женщины, поскольку они могут очень дурно повлиять даже на самых сильных мужчин. Тем самым Аристотель хотел отвадить Александра от его увлечения гетерой Филлидой (в других версиях – Кампаспой). Узнав об этом, Филлида решила отомстить ученому. Она разожгла страсть Аристотеля и в знак доказательства его любви потребовала прокатить ее верхом. Говорят, что Александр, наблюдая, как его просвещенный учитель, подобно коню, везет на спине красавицу Филлиду, и впрямь утвердился во мнении об опасности женщин, которые могут сделать бессильными даже мудрейших мужей.

Что же произошло с Аристотелем, который, проповедуя разумную позицию, вдруг оказался в положении безумца? В этой истории примечательно не то, что Аристотель поддался женским чарам (которым поддался бы, наверное, даже Августин), а то, что существуют несложные способы выключения рефлексии, одним из которых и воспользовалась Филлида. Как бы ни стремился Аристотель к знанию по своему собственному слову, мысль уступила место чему-то другому. Филлида нашла “кнопку” и, таким образом, граница рефлексии была установлена.

На всякого интеллектуала довольно простоты: мы все подвержены тому же. Существуют разные приемы управления рефлексией. Социальная ангажированность деятельности интеллектуалов не является новостью, и это – большая тема, которую не к месту здесь разворачивать. Можно лишь отметить, что рефлексивная деятельность для того, чтобы отвечать требованиям времени, конечно же, должна быть связана с социальным и даже политическим заказом. Эта связь влияет на границы рефлексивности, но она не должна задавать параметры интеллектуального пространства, как это происходит у нас.

Отнесение исследований идеологии беларусского государства к числу приоритетных направлений отечественной науки, появление монографий с названиями “Беларусская модель развития: механизмы реализации”, “Институт президентства” и т.п. новшества – изобретения не интеллектуалов, а реализация инициативы “сверху”.[1]

Интересно, если бы Аристотель заставил Филлиду покатать его самого, покинул ли бы он тогда игру, затеянную Филлидой? Нет. Но является ли выигрышной позиция Александра, который как бы сбоку наблюдал за всем этим? Кажется, нет, поскольку он вовлечен в ту же игру.

[1] В научных работах отечественных авторов-гуманитариев встречаются фразы, которые в нашей ситуации говорят сами за себя: “Известный белорусский военный теоретик В. Макаров справедливо называет преобразования второй половины 1990х годов “революцией Александра Лукашенко” (Гигин, 2012: 28).

Теперь представим, что Филлида – это власть, а Аристотель с Александром – интеллектуалы, обсуждающие ее. Известно, что интеллектуалы с 60-х годов XX века сделали немало для распада советской системы. Власть не осталась в долгу: то, что происходит у нас – месть Филлиды, которой хотели играть интеллектуалы. Ответный ход Филлиды-власти всегда оказывается серьезней, чем ожидания мыслителей: она может устанавливать поле господства и правила игры так, как пожелает. Интеллектуалы же только играют в этом поле и по этим правилам.

Итак, у нас есть три варианта отношения власти и интеллектуалов: *доминирование власти* (Филлида верхом на Аристотеле), *мнимое доминирование интеллектуалов* (Аристотель едет на Филлиде) и, наконец, *мнимая свободная позиция сбоку* (наблюдающий Александр). В первых двух случаях не важно, кто кого везет: позиция интеллектуала всегда оказывается заданной внешним фактором. Интересней позиция Александра: он не состязается с Филлидой, но всегда имеет ее в виду. Зная, что от власти можно ожидать чего угодно, он вынужден делать поправку в своем отношении к власти, оказываясь вовлеченным в то же поле взаимодействия. Эта невидимая поправка, поскольку она осуществляется внутри интеллектуального субъекта, может иметь далеко идущие последствия в виде влияния на процесс *тематизации* как горизонта рефлексивности. В этом смысле можно спросить: может ли власть только “включать и выключать” рефлексию, или она способна задавать горизонт рефлексивности (пространство тематизации)?

История с Аристотелем никак не повредила его авторитету. А вот игра наших интеллектуалов с властью может иметь более весомые последствия для общества.

II. Абстрактное мышление: “абдуктивная” рационализация политической риторики

Сегодня общепринятой стала следующая практика: любое высказывание первого лица государства, предполагающее постановку некой задачи, становится программным направлением деятельности для подотчетных лиц и структур. К сожалению, эта практика утвердилась и в научном сообществе. Так было с заявлением о создании идеологии беларусского государства, о социальном государстве, об инновационном пути развития, о практизации науки и т.п. Эта практика ведет к ряду нежелательных для научной мысли явлений, например, к использованию политического (идеологического) аргумента в качестве универсального средства обоснования. Однажды мне довелось слышать, как актуальность темы диссертационного исследования, посвященного усовершенствованию рабочих органов пресса для производства макарон, была обоснована задачей вытеснения зарубежных макарон с отечественного рынка, поставленной первым лицом государства.

Большинство диссертаций по социально-гуманитарным наукам неизменно содержат в списке использованных источников выступления главы государства. Статья, выдержки из которой приводятся ниже и которая опубликована в Вестях НАН Беларуси, в списке литературы содержит из десяти источников три таких выступления, две работы самого автора статьи и пять различных политических документов.

Что же делают многие из наших ведущих ученых? Они строят научные направления и концепции вокруг высказываний главы государства, т.е. занимаются *концептуальной рационализацией политической риторики.* Убедительно или нет выстроены эти концепции, здесь нас мало интересует. Нас интересуют особенности мышления, которое используется при подобной деятельности.

Известно, что без операции абстрагирования не образуется ни одно понятие, не возникает ни одного идеального объекта и ни одной теоретической конструкции. Источником абстракций могут быть либо конкретные события или факты, либо другие абстракции. В случае, когда абстракции рождаются из абстракций, используются дедуктивные схемы рассуждений. Когда же источником абстракций выступают события или факты, применяется индукция или абдукция. Со времен Чарльза Пирса известно, что абдуктивные схемы продуктивно применяются естествоиспытателями. Структура их такова:

Наблюдается некоторое необъяснимое явление P

P было бы объяснено, если бы гипотеза H была истинной

Следовательно, имеется основание думать, что гипотеза H истинна

Здесь исследователь идет от непонятного факта к подбору правдоподобной гипотезы, которая впоследствии требует многократного опытного подтверждения, т.е. возвращения к фактам.

Аналогичная схема используется при рационализации политической риторики, но выглядит она примерно так.

Некто высказывает P

Это высказывание P предполагает концептуальную схему H

Следовательно, концептуальная схема H ценна и правдоподобна

Это абдуктивное рассуждение, в котором из факта высказывания P следует не просто возможность гипотезы H, а ее правдоподобие и научная ценность.

В начале статьи одного из маститых академиков, где речь идет о взаимоотношении Беларуси со странами Евросоюза, читаем: *“В своих взаимоотношениях с различными государствами Республика Беларусь разработала и последовательно реализует на практике принцип многовекторности внешней политики и внешних политических связей. Подчеркивая непреложность следования нашей республики данному курсу, Президент А.Г. Лукашенко в апрельском 2011 г. Послании беларусскому народу подчеркнул: «Взятая нами на вооружение стратегия ‘равной приближенности’ к Востоку и Западу дает шанс эффективно использовать выгодное географическое положение, транзитный и индустри-*

альный потенциал нашей страны»” (Бабосов, 2012: 21).

Далее в статье долго-долго идет речь о сложностях беларусских отношений с внешнеполитическими субъектами, в частности с Евросоюзом, где присутствует некий научный анализ. А затем на с. 27 утверждается, что страны Евросоюза не хотят принять нашу открытость для сотрудничества, результатом чего являются противоречия в отношениях: *“Причем инициатором негативной тенденции в развитии таких противоречий, проявляющихся в том, что призывы к добрососедству оборачиваются практическими действиями недобрососедской направленности, выступает Евросоюз”.* Далее, отвечая на вопрос “что делать?” автор опять возвращается к политическим выступлениям главы государства и заявляет, что ориентиры нашей внешнеполитической деятельности уже указаны.

Итак, в упомянутой выше статье мы должны двигаться от высказывания некоего политического субъекта, принимаемого за истинное, к наукообразным рассуждениям, объясняющим данное высказывание, чтобы затем вернуться к другим высказываниям того же субъекта, подтверждающим правомерность начального высказывания. Чем, спрашивается, оправдана научная ценность и правдоподобие приводимых в статье рассуждений? Тем, что они привязаны к высказыванию высшего политического авторитета. Так научные рассуждения превращаются в рационализацию политической риторики, данную в форме искаженной абдукции.

III. Субстанционализмом по процессам: реификация подвижностей

Некогда в марксистско-ленинской теории прочно утвердился примат диалектических философских категорий, которые были построены вокруг субстанционалистского понимания Гегеля. Считалось, что по недомыслию Гегель, предлагая гениальную схему рассмотрения развития, в силу ограниченности своего объективно-идеалистического ума, населил окружающий мир абсолютной идеей (мировым разумом) и формами ее самореализации. Советские интеллектуалы отказались от обожествленной неоплатонической химеры абсолютного духа и взяли у Гегеля самое ценное – “живого ребенка” диалектики. Этот диалектический метод, данный через гегелевские законы в трактовке Энгельса, приобрел статус универсального способа рассмотрения всего. Естественно, в разряд диалектических категорий попали основные субстанционалистские понятия классической философии, такие, как сущность и явление, возможность и действительность, форма и содержание и т.п. Применять диалектический метод означало уметь оперировать этими категориями и понимать диалектическую связь между ними, например, рассуждая о сущности как воплощенной в явлении, а о явлении как выражающем сущность.

Изменения в обществах второй половины XX века настоятельно требовали нового несубстанционалист-

ского терминологического аппарата, подходящего для описания процессов как принципиально подвижных потоков, что совершенно ясно поняли западные интеллектуалы, наподобие Фуко, Делеза и постмарксистов. Утвердившееся субстанционалистское мышление превращало все процессы в подобие механического взаимодействия вещей, отягощенных своими сущностями. Так были реифицированы процессы: их основными компонентами выступали вещи, взаимодействие которых было похоже на взаимное перемещение шаров на бильярдном столе.

Категории классической философии, будучи применены к рассмотрению любого процесса, приобретают роль тяжелых камней мысли, тянущих вниз монгольфьер рефлексии, на подъем которого было затрачено огромное количество усилий и который сегодня, остывая, и без того еле тянется. Добавьте в научное мышление склонность к бесплодным метафизическим рассуждениям, и вы поймете, что для научного анализа оно становится совершенно не пригодно. К сожалению, до сих пор мы используем понятие сущности в выражениях наподобие "сущность изменений", "сущность трансформаций", "сущность процесса", причем в таких областях исследований как политология и социология. Эти "сущности" прибивают аналитическое воображение к ветхому столбу классической метафизики.

У нас существуют диссертации с применением современной методологии (снабженной, например, социально-топологической терминологией). Но выясняется, что в процессе подготовки таких работ, эксперты, открывающие дорогу на защиту, требуют "запаковать" всю "модную" на Западе терминологию в классические философские категории, стыдливо скрывающие действительную новизну научного исследования. От таких категорий и их подобного применения нужно отказаться.

IV. Форма vs содержание: наукоморфный "туман"

Однажды мне доводилось слушать лекцию о системе менеджмента качества в вузе, которую читал гуманитарий. После довольно продолжительного времени сидящий рядом со мной доктор технических наук с сожалением сказал: "До чего формализация может дойти!". Я согласился: концептуальные схемы, в которых лектор использовал понятия входа, выхода, механизма, контроля и т.п., не вызывали никаких ассоциаций с реальными процессами. Эта особенность присуща многим концепциям, представленным в местных публикациях, особенно философских.

В силу известных обстоятельств у нас в научных исследованиях утверждается примат формы по принципу "лучше написать «обтекаемо», лишь бы не написать того, чего нельзя". Если же не писать "обтекаемо", то тогда приходится пересказывать политические и юридические документы, в лучшем случае чужие идеи, иначе придется написать что-то не то. Формализм происходит также из субстанционалистского мышления: стремление мыслить комплексно,

системно, фундаментально, всеобще. Эта всеохватность мышления рождает такие громоздкие формализмы, при которых содержание не удержит никакая мысль:

Вот дефиниенс одного из определений, по которому никаким образом нельзя догадаться, о чем идет речь (дефиниендум здесь намеренно пропущен): *"...динамичная система религиозно-философских взглядов (догматика, теология, религиозная философия, включающая различные современные философские идеи); культа (как наиболее стабильного консервативного элемента, особенно в сформированных религиях); сложившихся в ходе культовой деятельности отношений между последователями той или иной религии, их отношения к другим конфессиям; различных институтов (церковь, секта, деноминация, новые религиозные движения и т.д.)"*. Интересно, как все перечисленное складывается в систему, как было заявлено в начале определения?

Вот другое определение того же предмета того же автора (опять угадайте, определение чего?): *"...совокупность религиозно-политических воззрений, религиозных идеалов, традиций, религиозно-окрашенных ценностей, религиозно-психологических мотивов и побуждений, имеющих значение для поведения людей в общественной сфере"* (Земляков и Бойко, 2011: 75).[2] Но ведь подобные определения общества, культуры, идеологии и т.п. не редки. Как правило, они очень отвлеченны и совсем не операциональны.

Такие наукоморфные формы с туманным содержанием не рождают у читателя ничего, кроме *смутного предчувствия предмета.* И, скорее всего, у автора написанного это же смутное предчувствие замещает знание о предмете. Здесь становится понятен постмодернистский тезис об ускользании реальности, которого так боятся мыслители старшего поколения. Несмотря на привычный предмет систем и сущностей, мышление подвергается девиации вокруг предмета, как траектория движения космического объекта вблизи тела большой массы. Желаемые и привычные сущности тяжестью своего авторитета притягивают мышление, но оно проходит мимо них, поскольку направление было выбрано неверно. Навигационные инструменты мышления изначально вели его не по тому пути.

V. Практичность из теории: чудеса в тупике

Наша ситуация такова, что старые теории, с которыми хорошо знакомы многие местные интеллектуалы, часто уже не работают, а с новыми они знакомы плохо. Из старых концепций нельзя выжать больше, чем они могут дать и уже дали. В свете новомодного требования практизации науки всех заставили писать в диссертациях практические рекомендации по использованию результатов. Как правило, исследования теоретического характера в этом случае работают сами на себя: например, практические рекоменда-

[2] Речь шла об определении религиозного фактора.

ции, вытекающие из философских исследований, в основном, состоят в том, что результаты нужно применять в преподавании философии. Эта самореферентность философии вынужденная и заслуживает особого внимания, но не здесь. Практические научные рекомендации, основанные на классических философских концепциях, почти невозможны; то же касается и любых престарелых обществоведческих теорий. Например, не совсем понятно, зачем писать философскую статью о философии как интеллектуальном ресурсе нации, если в качестве выводов мы обнаруживаем банальные идеи о том, что в этом очень сложном мире нам нужно что-то исправить, и что философия выступает дополнительным культурным ресурсом, который полезен для воспитания духовности и т.п. И никакого ответа на вопрос, как это может произойти. С другой стороны, в той же статье мы встречаем недовольство постмодернистскими экспериментами (размывающими категориальный каркас философии) и даже сожаление о несчастных постмодернистах, которые мыслят и живут в иллюзорном, придуманном мире, потому что их реальный западноевропейский мир стал совершенно не пригоден для существования.

На самом деле ситуация совсем обратная описанному в статье: автор той статьи живет в иллюзорном мире старых как философия категорий, которые никак не подходят для продуктивного осмысления современной ситуации. А постмодернистские идеи, которым уже под пятьдесят лет, все еще не поняты нашими "ведущими" специалистами. И именно поэтому те интеллектуальные инструменты, которыми они пользуются, не ведут к практическим рекомендациям "ниже" уровня идеи гуманизации, т.е., по сути дела, ни к чему не ведут, поскольку предполагают *постановку тупиковых проблем.* Что же до практических рекомендаций, то их приходится изобретать на ходу, совершенно не взирая на то, что следует из теории (ведь из нее ничего не следует). В этом смысле практические рекомендации приобретают чудесный характер, т.к. являются практическими рекомендациями ex nihilo.

Чувствуя, с одной стороны, тупики старых теорий и невозможность парадигмального единства, а с другой – невозможность понимания новых концептуальных ходов и разнообразных парадигм, субъект научного творчества попадает в такие условия, когда у него есть все возможности запутаться в выборе реальности. Эта субъектная ситуация предчувствия ложности старого мира, одетого в поношенные, но еще крепкие одежды былых категорий, и невозможность принять новый мир в новых словах порождает нечто вроде парадигмального психоза: вроде бы нельзя отказаться от новых слов, но и без старых наступит хаос. Так рождается невозможный компромисс различных дискурсов: вспомним ситуацию с переписыванием диссертаций по рекомендации экспертов, боящихся новых слов и нового мышления.

Думается, что после всего сказанного можно констатировать: значительная часть нашего социально-гу-

манитарного знания является продуктом описанных выше “погрешностей” мышления. А это наводит на пессимистический прогноз. Но вернемся к нашему эпиграфу. Эту фразу мне довелось слышать собственными ушами от доктора философии. Последуем же его совету – “иногда полезно и Сократа почитать”. Почтим же Сократа и попросим его: “Святой Сократ, молись за нас!”. А к словам персонажа Эразма Роттердамского добавим: “Молись, чтобы наша мысль изменилась”.

Литература

1. Бабосов, Е. М. (2012). “Противоречия во взаимоотношениях Европейского союза и Республики Беларусь”. *Вести НАН Беларуси. Серия гуманитарных наук,* №3: 21–29.
2. Гигин, В. (2012). “Парламент как часть политической системы”, *Беларуская думка,* №7: 28–36.
3. Земляков, Л. Е. и Бойко, И. В. (2011). “Религиозный фактор национальной безопасности Республики Беларусь”, *Вестник Гродненского государственного университета. Серия 1. История, философия, политология, социология,* №110(2): 74–81.